

Того же автора.

1. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897 г. Изд. юридич. книжнаго магазина Мартынова. 2 р.

2. Очерки крестьянской общественной жизни. Изд. книжн. склада „Право“. 1906 г. 1 р. 50 к.

3. Новое сельское общество. М. Изд. 3. 1905 г. 50 к.

4. Сельскій староста. Изд. 4-ое. 10 к.

5. Волостное правленіе и волостной старшина. Изд. 4-ое. 20 коп.

6. Волостной сходъ. 1904 г. 25 к.

7. Крестьяне-граждане. 1905 г. 20 к.

8. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособие съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ. Изд. 3-е. 1 р.

9. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изд. 3-е. 60 к.

10. Обновленіе одного города. 10 к.

11. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права. 1906 г. 1 р.

12. Права человека и гражданина. 1906 г. 10 к.

13. Формы правленія. 1906 г. 8 к.

14. Избраніе народныхъ представителей. 1906 г. 10 к.

15. Палаты народныхъ представителей. 1906 г. 12 к.

16. Лестеръ. Къ свободѣ и порядку! Переводъ съ англійскаго Н. П. Дружинина. 1908 г. 45 к.

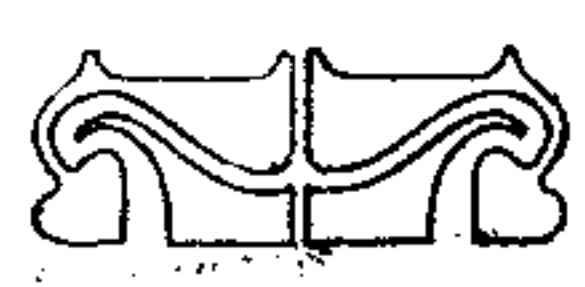
17. Ралэ. Элементарная политика. Переводъ съ англійскаго 1906 г. 40 к. Н. П. Дружинина.

Д-76

Н. П. Дружининъ.

П Р А В О и
Л И Ч Н О С Т Ъ
К Р Е С Т Ъ Я Н И Н А.

4444
к
Ф. Б.

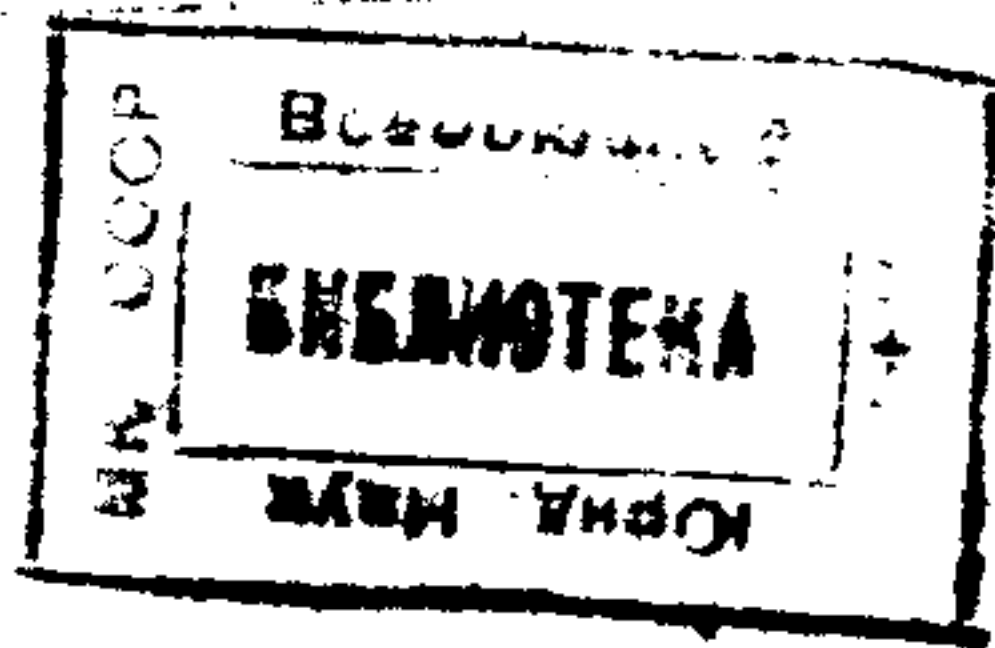
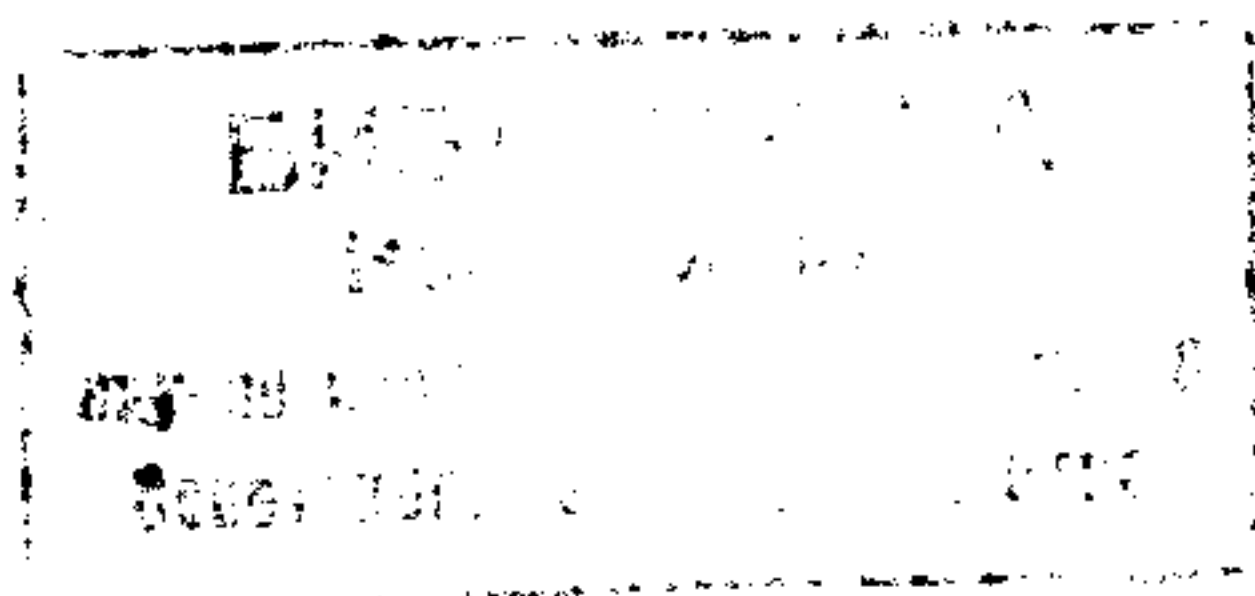

7 (9) 14
1914

1912
окт. Праг

г.

18872

13330

О г л а в л е н і е.

Стран.

Предисловіе. О взаимоотношеніи правового и экономического положенія крестьянъ и о литературѣ юридической стороны ихъ положенія	I—XVI
--	-------

Отдѣленіе первое.

Законъ и обычай въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянства.

I. Обычай, рабство и крѣпостная зависимость	1
II. Развитіе крѣпостной зависимости	17
III. Условія смягченія и отмѣны крѣпостной зависимости	31
IV. Законъ и обычай въ отношеніи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ	50

Отдѣленіе второе.

Обычай, какъ дѣйствующая правовая норма среди крестьянъ.

I. Объ объемѣ дѣйствія, изслѣдованіи и изученіи народныхъ юридическихъ обычаевъ	65
II. Обычное государственное право	93
III. Обычное полицейское право	125
IV. Обычное финансовое право	134
V. Обычное гражданское право	142
VI. Обычное уголовное право	183
VII. Обычное процессуальное право	203

Отдѣленіе третье.

Закономъ или обычаемъ должно опредѣляться положеніе крестьянъ.

I. Основныя задачи государства	213
II. Послѣдствія допущенія дѣйствія обычаевъ	219
III. О существѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ	238
IV. Объ основаніяхъ, приводимыхъ въ пользу сохраненія юридическаго значенія за народными обычаями	243

П р и л о ж е н і я.

Приложеніе I.

Программа мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ.

I. Нѣкоторые общіе вопросы	263
II. Государственное право	264
III. Полицейское право	280
IV. Финансовое право	281
V. Гражданское право	285
VI. Уголовное право	287
VII. Судостроительство и судопроизводство	288

Приложеніе II.

Краткій перечень литературы крестьянскаго вопроса (преимущественно касающейся правового положенія крестьянъ).	293
---	-----

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О взаимоотношеніи экономического и правового положенія крестьянъ и о литературѣ юридической стороны ихъ положенія.

I.

Въ сравнительно очень недавнее время стало у насъ обращать на себя вниманіе не одно экономическое положеніе крестьянъ, разсматриваемое безотносительно, само по себѣ. Мы имѣли уже случаи указать на это. *) Все же, однако, и съ тѣхъ поръ многими,—помимо чисто экономическихъ,—поистинѣ животрепещущими для крестьянъ вопросами литература наша занималась, по крайней мѣрѣ, до самаго послѣдняго времени, слишкомъ—необычайно—мало... Экономическіе вопросы, касающіеся крестьянства, продолжали почти исключительно интересовать русское общество. Этимъ же отчасти объясняется и то крайне малое оживленіе, которое внесъ въ обсужденіе литературою и періодическою печатью пересмотръ законовъ о крестьянахъ, начатый въ свое время, въ 1894 г. Пересмотръ засталъ наше общество какъ бы врасплохъ: поставлены были на очередь вопросы юридического быта крестьянъ,—но именно къ вопросамъ этого рода оно оказалось почти неподготовленнымъ, и оттого, въ сущности, не представляющимъ себѣ съ надлежущею ясностію экономического положенія крестьянъ со всѣми причинами его разстройства, которое наблюдалось. Такимъ же образомъ прошли почти безслѣдно для литературы и производившіяся въ 1894 году работы

*) „Юридическое положеніе крестьянъ“, 1897 г., предисловіе; „Очерки крестьянской общественной жизни“, 1906 г., предисловіе.

II

мѣстныхъ совѣщаній—правда, чисто бюрократическаго состава—давшія въ результатѣ весьма важный, вышедшій въ 1897 г., „Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“.

Очень характерно встрѣченъ былъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ (С. Ю. Витте) по поводу государственной росписи на 1899 г., получившій большое отношеніе къ крестьянскому дѣлу. Министръ финансовъ указывалъ здѣсь и на то, что причину неудовлетворительнаго экономическаго положенія крестьянъ „слѣдовало бы искать въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ“, и на „неполноту“ дѣйствующаго законодательства о сельскихъ обывателяхъ, и на его „недостаточное соотвѣтствіе потребности населенія въ прочномъ порядкѣ“, и на то, наконецъ, что „неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства“... Не переставая доказывать тѣ же самыя положенія съ 1889 г. (когда—въ февральской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“—появилась наша первая работа—„Юридическое положеніе крестьянъ“—продолжавшаяся и продолжаемая въ томъ же направленіи въ цѣломъ рядѣ статей, печатавшихся въ различныхъ журналахъ и вошедшихъ въ настоящую книгу, которая была раздѣлена на части для удобнѣйшаго помѣщенія въ разныхъ мѣсячныхъ журналахъ),—мы съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ видѣли подтвержденіе и повтореніе этихъ положеній въ докладѣ, что теперь официально выраженные и признанныя подобныя азбучныя—на нашъ взглядъ—истины вдругъ получили широкое признаніе, были отмѣчены, подкрѣплены, развиты, популяризированы съ рѣдкимъ единодушіемъ всею періодическою печатью... Желаемаго оживленія въ литературѣ вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ, однако, не произошло и послѣ этого. Печать наша ограничилась лишь общими замѣчаніями о докладѣ С. Ю. Витте, и не приняла

III

большаго, чѣмъ наблюдалось до тѣхъ поръ, участія въ разработкѣ самыхъ этихъ вопросовъ, касающихся вопіющихъ нуждъ деревни...

Нужно было общественное движеніе второй половины 1904 г., для того чтобы эти вопросы стали на очередь. Только тутъ заговорила жизнь, — между прочимъ, устами знаменитаго земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 г., который вынесъ въ числѣ прочихъ своихъ пунктовъ одинъ, спеціально относившійся къ крестьянамъ: „Самодѣтельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ *прежде всего* поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣтельности и энергіи, а это достижимо только путемъ кореннаго измѣненія нынѣшняго *неполноправнаго и приниженнаго положенія крестьянъ* (курсивъ нашъ). Въ этихъ видахъ необходимо: а) уравнивать крестьянство въ личныхъ правахъ съ другими сословіями, б) освободить отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда“. Съ 1904—1905 г.г. возникаетъ уже цѣлая литература, посвященная правовому положенію крестьянъ, — литература чрезвычайно бѣдная и до сихъ поръ по сравненію съ громадностью, сложностью и важностью предмета, но уже богатая по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. *)

*) Въ глубоко прочувствованной статьѣ о Сергѣѣ Андреевичѣ Муромцевѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ день первой годовщины со времени кончины перваго предсѣдателя Государственной Думы—4 октября 1911 г.—Г. Ю. Кокошкинъ передаетъ:

Недавно, въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, стоящимъ внѣ политики и партій, — крупнымъ художникомъ, вышедшимъ изъ народа и сохранившимъ живую связь съ нимъ, — мнѣ пришлось услышать одну интересную мысль. Мой собесѣдникъ утверждалъ, что выставленныя въ эпоху освободительнаго движенія экономическія требованія и касавшіяся ихъ различія партійныхъ программъ не играли въ глазахъ народныхъ массъ той исключительной роли, которая имъ обыкновенно приписывается. „Они были важны, но они не были тѣмъ самымъ главнымъ, что побудило народъ пойти за интеллигенціей. Самое глав-

Съ особою силою сказалась именно сама жизнь въ отношеніи къ вопросамъ юридическаго быта крестьянъ въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и въ самомъ особомъ свѣщеніи объ этихъ нуждахъ. Значеніе условій юридическаго положенія крестьянъ для ихъ экономическаго положенія стало здѣсь во весь свой ростъ и было заявлено съ особою категоричностью въ трудахъ, давшихъ громадный толчокъ для разработки въ литературѣ крестьянскаго вопроса въ болѣе широкомъ его смыслѣ.

Вопросы правового быта не стояли въ программѣ особаго свѣщенія и мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Программа эта имѣла въ виду единственно вопросы экономическаго быта сельскаго населенія. Но эти вопросы возникли здѣсь силою, такъ сказать, естественной необходимости, по неотразимому вліянію со стороны самой жизни, поскольку она могла выразиться въ голосахъ членовъ мѣстныхъ комитетовъ. И вотъ какъ отзывались на нихъ мѣстные комитеты:

„По мнѣнію значительнаго большинства членовъ мѣстныхъ комитетовъ—говоритъ А. А. Риттихъ, характеризуя дѣятельность комитетовъ съ этой стороны въ своемъ трудѣ „Крестьянскій правопорядокъ“ (стр. 321)—правовыя стѣсненія, характеризующія крестьянскую обособленность, являются столь сильнымъ препятствіемъ для хозяйственной предприимчивости,

ное, это была накопленная вѣками безправія и произвола страстная жажда *правды*, справедливости, жажда новаго праваго закона“.

„Эта мысль—заключаетъ свой рассказъ г. Кокошкинъ—кажется мнѣ глубоко вѣрной“.

Къ сожалѣнію—прибавимъ отъ себя—мысль эта была просмотрѣна въ знаменательную эпоху. А между тѣмъ, она вовсе не была нова. У народа всегда была та „жажда новаго праваго закона“, о которой говорилъ собесѣдникъ автора. Въ самомъ дѣйствующемъ законѣ, народъ, не зная его, былъ склоненъ видѣть такой законъ, какъ воплощеніе правды и справедливости. Между тѣмъ, каковъ былъ этотъ дѣйствующій законъ и какое правовое положеніе онъ на самомъ дѣлѣ давалъ народу,—это сравнительно мало заинтересовало наше общество и въ освободительный періодъ, и теперь опять погружается въ тѣнь...

что безъ устраненія ихъ нельзя и думать о развитіи экономической самостоятельности въ средѣ нашего земледѣльческаго населенія, состоящаго, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ. Постоянно указывается, что самое удачное разрѣшеніе вопросовъ программы особаго совѣщанія, касающихся техники и экономики сельскаго хозяйства, самыя широкія въ этихъ видахъ жертвы правительства принесутъ весьма скромную пользу, если не будетъ обращено главное вниманіе на измѣненіе условій, препятствующихъ развитію личной энергіи и предприимчивости въ хозяйственномъ дѣлѣ: *безъ устраненія правовыхъ ограниченій нашего крестьянства, наилучшіе инструкторы, испытательныя поля, сельскохозяйственныя школы и т. п., по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже мѣры къ общему подъему народнаго просвѣщенія,—все это окажется палліативомъ, малопроизводительной затратой средствъ, взятыхъ съ того же крестьянскаго населенія; напротивъ того, съ прекращеніемъ стѣсненій, связывающихъ трудовую энергію народа, сельскохозяйственная промышленность разовьется самопроизвольно, безъ какихъ либо чрезвычайныхъ мѣропріятій, едва ли посильныхъ странъ, при современномъ экономическомъ положеніи ея* (курсивъ нашъ).

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ съ его юридической стороны получилъ здѣсь такое—вполнѣ заслуженное имъ—значеніе, что предсѣдатель особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, гр. С. Ю. Витте, нашелъ умѣстнымъ составить особую—представляющую весьма существенный интересъ—„Записку по крестьянскому дѣлу“, а самое совѣщаніе сочло необходимымъ предпринять цѣлый рядъ специальныхъ—посвященныхъ настоящему вопросу съ юридической его стороны—засѣданій, оставившихъ свой слѣдъ въ чрезвычайно интересномъ изданіи, входящемъ въ составъ „Трудовъ“ особаго совѣщанія и мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—„Протоколы по крестьянскому дѣлу“,—и приходится тѣмъ болѣе пожалѣть о неожиданномъ упраздненіи 30 марта 1905 г. этого особаго

совѣщанія, что оно далеко не закончило сужденій по крестьянскому вопросу, обѣщавшихъ развиваться шире и шире, и что образованное вмѣсто него новое особое совѣщаніе имѣло уже въ виду лишь мѣры „по укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія“.

Нѣсколько позднѣе, проф. Вормсъ, говоря о причинахъ экономического оскудѣнія крестьянства и перечисляя нѣкоторыя причины этого рода, коренящіяся въ условіяхъ хозяйственной дѣятельности крестьянъ,—въ очень интересной статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ журнала „Вопросы права“ (1909 г.) подъ заглавіемъ „Реформа крестьянскаго землевладѣнія и гражданское право“,—указываетъ (стр. 82 и 83) на одну, получившую признаніе въ его лицѣ и въ ученой средѣ: „Издавна дѣйствуетъ и понынѣ остается въ силѣ—говоритъ онъ—еще одна причина, которая, въ отличіе отъ только что перечисленныхъ, не привлекала къ себѣ въ достаточной мѣрѣ вниманія русскаго общества... Между тѣмъ, по нашимъ наблюденіямъ, по тому впечатлѣнію, которое мы вынесли изъ ознакомленія съ многими случаями упадка или разстройства отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, эта причина играетъ крупную роль... Мы говоримъ о полной правовой необезпеченности крестьянскаго хозяйства, объ отсутствіи сколько нибудь точныхъ нормъ гражданского права для крестьянскаго быта, о совершенно недостаточной защитѣ даже для тѣхъ правъ, которыя признаются за крестьяниномъ. Эта скудость нормъ, эта шаткость гражданскихъ субъективныхъ правъ крестьянъ достигаетъ размѣровъ прямо таки непостижимыхъ для того, кто не освоился ближе съ юридическимъ укладомъ современной деревни. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наша деревня многія поколѣнія сряду испытываетъ нѣчто вродѣ постоянного землетрясенія, а кто испыталъ послѣднее, знаетъ, какое тягостное настроеніе, какую растерянность вызываетъ послѣднее у людей“...

Чрезвычайно желательно было—и можно было надѣяться—что чествованіе въ 1911 г. 50-лѣтія со дня освобожденія

крѣпостныхъ крестьянъ дать, съ своей стороны, сильный толчокъ изученію крестьянскаго вопроса въ настоящей, болѣе широкой, его постановкѣ, имѣвшему и имѣющему у насъ *всеобъемлющее значеніе* *). Самое это изученіе явилось бы, безъ сомнѣнія, лучшею формою чествованія историческаго дня и его увѣковѣченія **). Важность ***)) же и необходимость его для выработки надлежащей реформы—несомнѣнны.

Къ сожалѣнію, ожиданія, соединявшіяся съ юбилеемъ реформы, не оправдались въ желаемой мѣрѣ. Юбилей не вызвалъ ни одного цѣльнаго, систематическаго труда и далъ лишь три сборника: „Великая Реформа“ (изд. Сытина), „Освобо-

*) „Преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее время и надолго еще впереди—это устройство крестьянъ,—высказалъ К. Д. Кавелинъ.—Къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества“ („Крестьянскій вопросъ“, изд. 1882 г., стр. 32).

**) На правильный путь и встало въ этомъ смыслѣ вольно-экономическое общество, объявившее конкурсъ на работы по крестьянскому вопросу. Къ сожалѣнію, примѣру его послѣдовали только: московское общество грамотности, учредившее преміи за составленіе популярныхъ брошюръ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и общество благотворенія въ память 19 февраля 1861 г., объявившее конкурсъ на составленіе краткаго очерка исторіи освобожденія крестьянъ, причемъ особый интересъ должны были представлять брошюры, которыя могли явиться въ результатѣ конкурса общества грамотности: объявленіе конкурса обществомъ сопровождалось прекрасной, широкой программой, выполнение которой дало бы именно брошюры съ изображеніемъ нынѣшняго правового положенія крестьянъ. (Къ сожалѣнію, только конкурсъ не далъ результатовъ въ 1911 года и отложенъ до марта 1912 г.). Для того, чтобы изученіе крестьянскаго вопроса могло идти дальше съ возможнымъ успѣхомъ и быстротою, необходимо, въ виду животрепещущаго его значенія, чтобы на юридическихъ факультетахъ открыты были курсы крестьянскаго законодательства (нынѣ курсъ крестьянскаго законодательства читается только: въ Спб. политехникумѣ А. А. Леонтьевымъ и въ училищѣ правовѣдѣнія Д. И. Пестржецкимъ), чтобы темы изъ области крестьянскаго права предлагались возможно чаще для студенческихъ сочиненій и избирались для магистерскихъ и докторскихъ диссертаций,—и чтобы, наконецъ, образовано было всероссійское общество изученія крестьянскаго вопроса, съ правомъ открытія филиальныхъ отдѣленій въ провинціи, на мѣстахъ, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу всѣхъ живыхъ силъ населенія.

***)) См. объ этомъ у А. А. Леонтьева, въ его книгѣ „Крестьянское право“ (введеніе), и у Д. И. Пестржецкаго, въ его брошюрѣ „О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ“.

VIII

жденіе крестьянъ. Дѣатели реформы“ (изд. „Научнаго Слова“) и „Освобожденіе крестьянъ“ (изд. журнала „Жизнь для Всѣхъ“). При этомъ вопросу правового положенія крестьянъ—какъ это ни было странно и неожиданно послѣ 1904—1906 гг.—въ названныхъ сборникахъ не оказано достаточнаго вниманія. Второй сборникъ имѣлъ, впрочемъ, специальное назначеніе—дать характеристику дѣателей реформы—и лишь косвенно излагать матерьялы, не лишенные существеннаго значенія для юридической стороны реформы. Сборникъ „Жизни для Всѣхъ“ заключалъ въ себѣ лишь небольшую, хотя и очень яркую, статью проф. Посникова, касавшуюся правовой стороны положенія крестьянъ. Что же касается до перваго—обширнаго, шеститомнаго,—то редакторы его (гг. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичета) нашли возможнымъ сказать даже въ предисловіи, будто вопросъ объ юридическомъ положеніи крестьянъ „въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой“. Очевидно, что какъ-бы независимо отъ нихъ, подъ вліяніемъ запросовъ жизни, въ сборникъ оказалось, однако, нѣсколько, хотя разрозненныхъ, но очень интересныхъ, прямо или косвенно относящихся сюда, статей, каковы статьи гг. Вормса, Шаховского, Боголюбова, Леонтьева, Корнилова, Мануйлова и друг.

Такимъ-же образомъ, открывавшаяся и далеко не заполненная область изслѣдованія и изученія чрезвычайно широка,—передъ изслѣдователями обширное поле съ дѣвственной почвою. Здѣсь возникаетъ множество капитальныхъ вопросовъ, требующихъ, наконецъ, отвѣта,—темныхъ мѣстъ, которыя необходимо освѣтить полнымъ свѣтомъ...

II.

Вслѣдствіе отсутствія разработки вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ, у насъ существовало успокоительное убѣжденіе, что права *личности крестьянина* опредѣлены достаточно точно, ясно и полно законодательствомъ 19 февраля

1861 г. Извѣстные изреченія въ этомъ смыслѣ были весьма употребительны. Они брались частію изъ того же манифеста „Свободный трудъ“, „свободный крестьянинъ“, „конецъ рабству“, „крестьянинъ, ставшій гражданиномъ“, „благослови свободный трудъ“ и пр. Это были общія мѣста, приводившіяся безъ особыхъ поясненій. И возможенъ былъ даже, въ свое время, переводъ государственныхъ крестьянъ въ положеніе бывшихъ крѣпостныхъ, безъ оказанія вниманія тому обстоятельству, что онъ сопровождался умаленіемъ правъ личности этихъ—всегда свободныхъ крестьянъ, правъ и безъ того далеко неполныхъ,—и возможнымъ оказалось отсутствіе до сихъ поръ правильной оцѣнки этого акта, какъ и многихъ другихъ явленій въ настоящей области...

„Какъ уцѣлѣлар озга въ волостномъ судѣ?“—поставилъ любопытный вопросъ Г. А. Джаншіевъ въ своей книгѣ „Эпоха великихъ реформъ“. Какъ уцѣлѣла розга здѣсь въ знаменательный день общей отмѣны тѣлесныхъ наказаній—17 апрѣля 1863 г.—именно разумѣлъ покойный публицистъ. И давно нужно было поставить этотъ вопросъ, оцѣнивъ предварительно тѣ условія и соображенія, при которыхъ розга оказалась въ самомъ законодательствѣ 19 февраля 1861 г... Давно можно было бы дать на этотъ вопросъ и тотъ отвѣтъ, который предложенъ былъ Г. А. Джаншіевымъ, и который можно было примѣнить ко многимъ другимъ вопросамъ, касающимся 19 февраля 1861 года и созданнаго имъ положенія для крестьянъ: „Причина этого грустнаго и на первый взглядъ непонятнаго явленія—говорилъ онъ—кроется, какъ это ни кажется страннымъ,—въ чрезмѣрномъ благоговѣніи, доходившемъ до фетишизма, передъ положеніями 19 февраля“...*) На нашъ взглядъ,

*) „Эпоха великихъ реформъ“, изд. шестое, стр. 217.—Г. А. Джаншіевъ нашелъ для этого и объясненіе, и оправданіе,—но съ мотивами послѣдняго трудно согласиться. „Если—говорилъ онъ—ужъ такой безпринципный оппортунистъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, старался ловко обходить неудобныя для него постановленія положеній 19 февраля 1861 г. въ административномъ порядкѣ, не рѣшаясь требовать отмѣны ихъ въ законодательномъ порядкѣ то почитатели освободительной хартіи считали ее просто неприкос-

это совершенно вѣрно. Но спрашивается,—если это произошло съ тѣлеснымъ наказаніемъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ законодательствѣ 19 февраля, съ явленіемъ, дѣйствовавшимъ на чувства, бившимъ въ глаза и рѣзавшимъ ухо,—то не произошло ли то же самое и съ нѣкоторыми другими явленіями, сохраненными или видоизмѣненными этимъ законодательствомъ для освобожденнаго крестьянина? Слова Джаншіева должны были тѣмъ болѣе наводить на размышленія, и размышленія эти тѣмъ обязательнѣе, что тотъ трудъ его, въ которомъ они выражены и который встрѣтилъ заслуженный пріемъ со стороны русскаго общества, очень живо рисуетъ какъ условія, при которыхъ состоялись положенія 19 февраля 1861 г., такъ и ту реакцію, которая постигала каждое освободительное въ широкомъ смыслѣ слова мѣропріятіе знаменательной эпохи, и въ частности, съ особою силою (благодаря указываемой причинѣ), коснулась крестьянскаго дѣла... Что же, такъ сказать, было и что стало

новенною. Исходя изъ этого почтеннаго, но нѣсколько утрированнаго чувства,—впрочемъ, достаточно оправдываемаго политическими обстоятельствами того времени,—комитетъ, разсматривавшій вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, не желая колебать только что объявленное положеніе 19 февраля, призналъ неудобнымъ отмѣнять тѣлесныя наказанія въ волостномъ судѣ.—Никакими, однако, обстоятельствами не можетъ быть оправдано то самомнѣніе, которое постоянно до сихъ поръ проявляется у насъ относительно законодательства 19 февраля 1861 г. Совсѣмъ наоборотъ, оно вредно при всякихъ обстоятельствахъ,—и это достаточно ярко подтверждается фактами изъ исторіи крестьянскаго вопроса. Если о законодательствѣ 19 февраля 1861 г. говорилось и отчасти говорится какъ о не-оставляющемъ желать ничего болѣе, если съ нимъ осуществились самыя пламенные и далеко направлявшіяся желанія, если имъ разрѣшена вполнѣ задача освобожденія, то само собою разумѣется, очень естественно, при первыхъ благопріятныхъ для противной стороны политическихъ обстоятельствахъ, сократить его полеты, возстановить интересы, имъ „попранные“ и никогда не перестающіе объ этомъ заявлять, указывая тоже на „радикализмъ“ акта, съ опорою, находимою въ словахъ его почитателей... Представители губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, 36 членовъ второго приглашенія, упрекали редакціонныя комиссіи въ томъ, что онѣ какъ бы обобрали помѣщика, „учредили десять тысячъ какихъ-то республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ“, „организовали постоянную коалицію работниковъ“, и пр. („Первое изданіе матерьяловъ редакціонныхъ комиссій“, часть XII, доклады по отзывамъ на работы административнаго отдѣленія). Тутъ уже полная невозможность развитія осво-